

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЗНАТИ

G. Weiss. *Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert.* Wiesbaden, 1969, 174 S.

F. Velázquez-Gaztelu. *Evolución de la Nobleza en la Cristiandad Oriental.* — «Hidalguía», XVI, 1968, № 86.

«Всестороннего исследования, посвященного византийской знати, [еще] нет», — такими словами открывается 1-я глава книги молодого западногерманского византиста Гюнтера Вайса (стр. 5), и эти слова справедливы. Наши суждения о византийской аристократии опираются скорее на общие соображения, нередко предвзятые, нежели на действительное изучение фактического материала. Большая статья испанского ученого Ф. Веласкеса-Гастелу, вышедшая чуть раньше книги Вайса, как раз и характерна как выражение традиционных суждений о византийской знати.

По мысли Веласкеса-Гастелу, на всем протяжении византийской истории существовала, наряду с чиновничеством, настоящая наследственная аристократия, установившая в провинциях сеньориальные порядки, которые обычно называют феодальными (стр. 98). Во времена Комнинов «аристократия крови» сохранялась еще во всех провинциях и в самом Константинополе; в константинопольском сенате (синклите) господствовали семьи, знатные по «крови», которые строго охраняли свою чистоту и под угрозой суровых наказаний не могли вступать в брак с «плебейками» (стр. 111). Македонская династия вела борьбу против знати, но Комнины и Ангелы покровительствовали аристократии, и с этого времени феодализм распространяется по всей империи (стр. 122).

Веласкес-Гастелу, по всей видимости, не византинист. К тому же испанское византиноведение не может похвастаться своими традициями. Нет ничего удивительного, что статья испанского ученого полна фактических погрешностей: Симеон Заутца назван отцом Феофано (стр. 111); Стефан Айохристофорит выступает как аристократ, пытавшийся жениться на плебейке (стр. 111), — на самом деле он был выходцем из низов, домогавшимся руки знатной женщины; Комнины названы династией, происшедшей из Адрианополя (!) и правившей в Константинополе с 1057 до 1283 г. (стр. 115); Гагик II, оказывается, уступил свое царство Василию II в 1042 г. (стр. 125). Дело, однако, не в этих погрешностях: суждения Веласкеса-Гастелу основаны на случайных примерах, на произвольно выбранных фактах.

Остановимся на очень важном тезисе — о том, что в Византии всегда существовала провинциальная наследственная аристократия феодального типа. В доказательство испанский ученый ссылается на пример египетских Апионов (стр. 103 и сл.), но далее, переходя к Юстиниану I, и его преемникам, Веласкес-Гастелу выделяет в соответствии с тактиками только два разряда в составе господствующего класса: обладателей титулов и обладателей должностей (стр. 104—109). Провинциальная знать в эти столетия не прослеживается, что, казалось бы, должно было поставить под сомнение тезис о ее извечности. Дальнейшая судьба ее трактуется также противоречиво: то ли она лишь сохранялась при Комнинах, то ли, наоборот, усиливается в это время и распространяется повсеместно.

Традиционные суждения, таким образом, тесно связаны со старой (и устаревшей) системой аргументации, когда исследователь опирается на изолированные факты, не ставя перед собой вопроса о степени их достоверности и экстраполируя частные выводы на всю территорию империи и на все время ее существования.

Книга Вайса — исследование совсем иного типа.

Вайс — ученик Х. Г. Бека, западногерманского византиниста, отличающегося как раз интересом к социальной истории империи. Ученик Бека В. Тифтиксоглу, как и другой мюнхенский историк, А. Хольвег, специально занимался некоторыми проблемами истории господствующего класса¹. Работа Вайса, таким образом, не случайна — она продукт определенной школы, определенного направления.

Вместе с тем Вайс — ученик К. Босля, специалиста по раннесредневековой истории. Под несомненным влиянием учителя Вайс прилагает к византийскому материалу те принципы и методы, которые были разработаны медиэвистами-западниками, давно уже изучающими судьбы господствующего класса феодального общества². Правда, можно заметить, что Вайс ориентируется преимущественно на труды своего учителя

¹ См. наши рецензии на работы Бека, Тифтиксоглу и Хольвега: ВИ, 1967, № 9, стр. 204—206; ВВ, XXVIII, 1968, 293—295; ВИ, 1971, № 2, стр. 194—196; ВВ, 30, 1969, стр. 257—259.

² См. обзоры: Ю. Л. Бессмертный. Некоторые проблемы социально-политической истории периода Каролингов в современной западноевропейской медиэвистике. — СВ, 26, 1964, стр. 104—116; М. А. Барг. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества. — ВИ, 1966, № 12, стр. 82—99; G. Duby. Une enquête à poursuivre: La noblesse dans la France médiévale. — «Revue historique», 226, 1961, p. 1—22; L. Génicot. La noblesse dans la société médiévale. — «Le Moyen âge», 71, 1965, № 3—4, p. 539—560.

и близких к нему исследователей, оставляя вне поля зрения другие направления и школы, — однако даже столь ограниченное привлечение достижений современной медиевистики не могло не сказаться на византиноведческой работе, поскольку византиноведение, к сожалению, по своей методике отстает от медиевистики.

Работа Вайса — исследование «Истории» Иоанна Кантакузина³ как памятника общественной мысли. Автор задается вопросом, как отразилось в «Истории» отношение Кантакузина к различным слоям общества — к знати и «народу» прежде всего. Он ставит эти суждения в связь с мыслями других писателей — как XIV, так и более ранних столетий (Пселл, Кекавмен, Евстафий Солунский, Никита Хониат и др.); последние, впрочем, привлекаются лишь эпизодически. Вайс стремится, иными словами, понять, как сами византийцы представляли себе социальную структуру своего общества. На основании совокупности собранных данных Вайс конструирует картину социальных традиций византийского общества XIV в., и прежде всего — структуры византийской знати. При этом он отчетливо сознает и неоднократно признает гипотетичность своих заключений, обусловленную скудостью сохранившихся источников.

Каким же предстает византийское общество XIV в. в изображении Вайса?

«Народ», *δῆμος*, представляли собою в XIV в. политически влиятельную и организованную социальную группу. Народные собрания были одним из нормальных политических учреждений. Противоречия между «народом» и знатью вызывались не только нищетой широких масс, но и притязаниями «народа» на политические права (стр. 74—78; ср. стр. 86—90).

Грань между «народом» и «средними» (*μέσοι*) не проступает в источниках сколько-нибудь определенно (стр. 71 и сл.). По мнению Вайса, Кантакузин придавал понятию *μέσοι* особое значение: он хотел показать, что враждебный ему «народ» не охватывал все слои населения (см. особенно: *Cantac.*, II, p. 179.5—6; 235.4—8; 334.7—11).

Особое внимание Вайс уделяет аристократии. Он прежде всего подчеркивает, как сложно в византийской действительности выделить эту социальную категорию. Коль скоро под аристократией понимается строго «закрытое» сословие, охватывавшее четко ограниченный ряд фамилий, обладавших определенными привилегиями, то в таком случае Византия не знала аристократии (тем самым Вайс резко расходится с Веласкесом-Гастелу, признававшим извечное существование *noblesza de sangre*). Однако если понимать под аристократией «слой элиты», господствующую верхушку общества, тогда мы обнаружим в империи и знать, и понятие знатности (стр. 5). Сложность выделения знати объясняется, с одной стороны, размытостью социальной терминологии в Византии, неопределенностью того, что принималось здесь за «знатное» и что за «низкое» (стр. 54 и сл.), а с другой — наличием в Византии социальной мобильности (стр. 54—60). Принадлежность к знати в Византии, формулирует Вайс, зависит в конечном счете от «общественного мнения» (стр. 7), принимающего в расчет и происхождение, и чиновность, и богатство; совокупность этих факторов и создавала то, что можно назвать социальным весом, социальным престижем.

В составе знати Вайс различает две группы, но это не те две группы: *noblesse de race* и *noblesse de titres*, которые выделял Р. Гийан⁴ и которые, как мы видели, выделяет Веласкес-Гастелу. Вайс говорит о *Dienstadel*, служилой знати (к которой он причисляет и Кантакузинов), и о землевладельческой знати, не исполнявшей императорской службы. Вопрос о последней категории византийской аристократии заслуживает особого внимания.

Мы уже говорили, что Веласкес-Гастелу столкнулся с трудностями при разыскании провинциальной знати при преемниках Юстиниана I. Переходя к более позднему времени, он, однако, выделил ряд провинциальных аристократических родов. Так, в состав малоазийской знати он включает Фок, Склиров, Ватацов «из Дидимитики» (!) (в самом деле Дидимотика — фракийский город и Ватацы — семья фрако-македонского происхождения), Лакашинов, Ангелов и Комнинов; пелопоннесская знать представлена у него Мелисинами, Вранами, Кантакузинами и Сгурами (стр. 114 и сл.). Критерий отбора Веласкес-Гастелу не обсуждает: по-видимому, самый факт пребывания в провинции и, тем более, наличия земельных владений кажется ему достаточным для отнесения той или иной семьи к категории провинциальной знати.

Напротив, Вайсу ясна вся сложность проблемы. Он понимает прежде всего, что понятие *Dienstadel* не совпадает с *noblesse de titres* Гийана, с *funcionarios* Веласкеса-Гастелу. Служилая знать, в его представлении, и родовита, и обладает поместьями. Поэтому необходимость критерия для разграничения обоих понятий (служилая и провинциальная знать) для него естественна.

Провинциальная знать, по Вайсу, — те аристократические фамилии, которые не искали императорской службы. Для первой половины XIV в. он называет Нестонгов и Вранов, для более раннего времени — Фок и Склиров. Кекавмен, «вольнлюбиво

³ См. об Иоанне Кантакузине также: *D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacuzenus)*, ca. 1100—1460. Washington, 1968, p. 35—103 (только биографические сведения). Эта книга вышла уже после завершения работы Вайса.

⁴ *R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines*, I. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 17.

мыслящий аристократ на армянской границе», кажется ему выразителем интересов этого слоя (стр. 11).

Проблема, впрочем, не решается так легко. Не будем говорить о странной характеристике Кекавмена, который отнюдь не жил на армянской границе и не был вольнолюбивым аристократом. Вайс привлекает для доказательства своей мысли две главы «Советов и рассказов» в отрыве от всего контекста книги, провизанной ярчайшим лоялизмом византийского образца. Но и выбранные им примеры провинциальных родов недостаточно убедительны: и Фоки, и Склиры в X—XI вв. находились на видных военно-административных постах и вполне могут быть отнесены к Dienstadt. Нестонги при Ласкарях и первых Палеологах занимали высокие должности. Нестонг Дука еще в начале XIV в. был прикирием двора и затем великим этериархом.

Иными словами, еще остается если не доказать принципиальную возможность существования провинциальной знати, не связанной с императорской службой (в принципе это могло иметь место), то, во всяком случае, определить, сколь значительным был ее вес. При этом в разные эпохи ее роль должна была быть различной, и можно допустить, что в XIV в. провинциальная аристократия обладала бóльшим весом, нежели в XII или X столетиях. Однако выяснение этого предполагает широкое просопографическое исследование со статистическим обобщением.

Один из интереснейших моментов в исследовании Вайса — вопрос о становлении в Византии «сословного мышления», которое играло столь важную роль в средневековой идеологии на Западе (стр. 73 и сл.). Исследователь, в частности, показывает, как начинает разлагаться в этой связи общее понятие «народ», внутри которого выделяются разные социальные прослойки, разнящиеся, добавил бы я, своими общественными функциями. Сословное мышление формирует и стереотип аристократа, идеальный образ византийского знатного мужа.

Его первое качество — военное искусство, предполагающее телесное совершенство, физические доблести; образованность отходит в сравнении с этим на задний план. Сознывая себя «лучшим» (*ἀριστος*), византийский аристократ не мыслит для себя служения (*δοῦλεια*) равному лицу и, напротив, считает своим правом участие в управлении империей (стр. 14—18). Подобные качества присущи западному идеалу аристократа, что объясняется, по Вайсу, не общностью античных традиций, а однородностью общественного положения знати в различных цивилизациях (стр. 17 и сл.).

Некоторые свойства византийского идеала аристократа особенно примечательны. Помимо отрицательного отношения к вассальной службе (*ἐδελουδουλεια*), которой противопоставлялась истинная свобода (Cantac., II, p. 116.18—19), — идея, очень частая в литературе XII в.⁵, — Вайс отмечает, что аристократ мыслился здесь как образец для толпы (Cantac., I, p. 213.12—14). По всей видимости, мы имеем здесь дело с традиционным византийским политическим воззрением, еще не омраченным «сословным мышлением» и допускающим вертикальную мобильность, ибо для западного писателя феодал не мог служить образцом поведения виллану или бюргеру. Любопытно также, что *constantia*, характерная черта западного стереотипа аристократа, сравнительно слабо проступает в энокмиях Иоанну Кантакузину (стр. 19).

Общественное лицо византийского аристократа XIV в. в очень большой степени определялось наличием у него *Gefolgschaft*, дружины (стр. 149). Вайс прослеживает структуру византийской дружины (стр. 138 и сл.), которая разделялась на «узкую» (стр. 143) и «политическую», или «широкую», свиты (стр. 140). Члены дружины именовались «близкими», слугами а также друзьями, φίλοι (стр. 140, 143) — этот термин, кстати сказать, должен был бы вызвать к жизни обсуждение важной проблемы φίλια, дружбы, оценка которой была в Византии неоднозначной и, более того, — социально обусловленной⁶. Вайс подчеркивает, что принадлежность к частной дружине составляла почву для социального подъема (стр. 58—60). Размеры дружин некоторых аристократов он исчисляет примерно в сто человек (стр. 27). Но что здесь особенно важно — это оценка связей между дружинником и господином, которые представляются Вайсу рыхлыми и непрочными (стр. 148 и сл.).

Острый вопрос о феодальном характере византийской дружины Вайс трактует с большой осторожностью. Он допускает не только подобие феодального nexus в структуре дружины, но даже элементы «ленной пирамиды» (стр. 141—143), т. е. феодальной иерархии. Он подчеркивает, что «узкая» дружина более всех⁷ византийских социальных институтов приближалась к учреждениям аристократического Запада (стр. 157). Но вместе с тем он обнаруживает в этом институте больше сходства с римской *amicitia*, нежели со средневековым вассалитетом (стр. 143, 150).

Византийский аристократ XIV в., обладавший большими земельными богатствами (владения Кантакузина Вайс ориентировочно исчисляет в 100 кв. км с населением при-

⁵ См. А. П. Каждан. Один неточно истолкованный пассаж в «Истории» Иоанна Киннама. — «Revue des études Sud-Est Européennes», VII, 1969, № 3, p. 469—473.

⁶ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, № 1, p. 20 sq.

⁷ Слова: «am stärksten unter allen gesellschaftlichen Erscheinungen», — впрочем, довольно рискованны. Почему дружина оказывается более близкой к западным учреждениям, чем, скажем, византийская «сенбория» и рентная система?

мерно в 1900 работников — см. стр. 21 и сл.) и опирающийся на вооруженную дружину, являлся и мыслил себя (в категориях «сословного мышления») самостоятельным государем (стр. 19 и сл.), тогда как император был лишь первым среди равных (стр. 156).

В книге Вайса мы найдем немало иных существенных моментов: описание политической борьбы в первой половине XIV в., в частности восстания зилотов, и попытку вскрыть расстановку социальных сил в этой борьбе; его откровенное присоединение к «современным восточным историкам» в оценке результатов победы аристократической реакции над городским движением 40-х годов XIV в. (стр. 85); анализ политической роли антипаламитского движения и его связи с «народом» (стр. 137) и многое другое. Но главное в книге, на мой взгляд, — анализ социальной структуры византийского общества и особенно его господствующего класса. Сравнение с работой Веласкеса-Гастелу наглядно свидетельствует, какой большой шаг вперед сделан Вайсом. Несмотря на всю сдержанность (я даже сказал бы, терминологическую робость), Вайс ярче, чем кто бы то ни было до него, показал социальное и функциональное родство господствующего класса Византии с западноевропейской средневековой аристократией. Вместе с тем он наметил (хотя и не сформулировал с желательной четкостью) то, что составляло византийскую специфику: рыхлость социальных связей, нечеткость общественных граней, неопределенность и размытость сословных (или парасословных) групп. Дело не только в отсутствии четкой терминологии знатности и незнатности — вертикальная мобильность была в Византии не просто фактом, но и принципом.

Исследование Вайса хронологически ограничено. Ему не свойственны генерализирующие формулировки, отличающие статью Веласкеса-Гастелу («всегда было»). Попытки выйти за рамки XIV столетия — обычно не очень удачны и лишь изредка раскрывают специфику исторического движения. Вопреки Вайсу, я не склонен, например, распространять на средне- и ранневизантийский период его наблюдение об ограниченности императорской власти (стр. 156). Но этот недостаток трудно поставить в вину молодому ученому: со временем монографическое изучение разных эпох позволит нам лучше понять их специфические отличия.

И последнее замечание. При изучении истории аристократии просопографические исследования позволяют выразить ряд наблюдений в статистической форме. Вайс не избегает просопографического анализа (см., например, на стр. 130 изучение состава антипаламитской группировки), но статистической обработки просопографических данных у него нет. По-видимому, когда-нибудь это предрубление филологов против статистики будет преодолено, и византилисты получат новый инструмент для изучения истории аристократии.

А. К.

J. Darrouzès. RECHERCHES SUR LES ΟΦΙΚΙΑ DE L'ÉGLISE BYZANTINE.
«Archives de l'Orient chrétien», II, Paris, 1970, 618 p.

Ж. Даррузес известен прежде всего как издатель византийских памятников, относящихся главным образом к церковной истории X—XII вв. В рецензируемой работе новые тексты занимают сравнительно малое место — они даже помещены в приложение (стр. 527—575). Это по преимуществу списки церковных должностей, среди которых один публикуется по рукописи ГИМ, 53/149 (см. стр. 204)¹, а другой — по ГИМ, 475/329 (см. стр. 223 и сл.). Даррузес детально анализирует рукописную традицию и содержание списков, классифицирует и датирует их: в частности, он устанавливает, что списки типа *O*, представленные Paris. 1409 и некоторыми более поздними манускриптами, зависят от списков типа *G*, к которым принадлежит и рукопись ГИМ, 53/149, (стр. 275).

Однако работа не сводится к публикации и анализу списков церковных должностей. Даррузес стремится обрисовать структуру и развитие церковной администрации в Византии с V по XV в. Он привлекает для этого как изданные, так и рукописные источники, в том числе известный риторический сборник — Экскурпальский манускрипт Y-II-10.

Церковной администрации посвящены в книге два больших раздела, которые, по сути дела, содержат один и тот же материал, но различаются между собой двумя моментами: во-первых, один раздел (стр. 11—168) строится без использования публикуемых списков должностей, другой (стр. 296—525) — с привлечением их; во-вторых, в первом разделе материал располагается в исторической последовательности и расчленяется на три периода — с V по X в., XI—XII вв., XIII—XV вв., тогда как во втором рассматривается структура церковной администрации, характеризуются основные патриаршие чины: эконома², сакеларий, скевофилак, начальник сакелы, протекдик и —

¹ Даррузес публикует лишь отрывок из этого текста. Полное издание см. И. С. Тичуров. Новые рукописные сведения о византийском образовании. — ВВ, 31, 1971, стр. 238—242.

² Говоря об аппарате эконома, Даррузес упоминает нумодота (стр. 305), который должен был раздавать клирикам и беднякам деньги, полученные ἐξ ἀέρος καὶ κέρδους